

Евгений Шкловский

ГОСПОДИН КАЗАК, с чего начались ваши отношения с русской литературой и как возник замысел словаря русских писателей?

— Так получилось, что я восемнадцатилетним мальчиком попал в плен и полтора года провел в лагере для военнопленных под Куйбышевым. Остался в живых я только потому, что начал учиться русскому языку. Это привлекло внимание нашего капитана, кагэбэшника Дмитрия Гришечкина. Видимо, я ему по-человечески понравился, и он меня фактически спас, взяв с собой в Германию. В 1945 году, когда нас распределяли в Берлине — кого на Западный фронт, кого на Восточный, — я и предположить не мог, что все так повернется, хотя ясно было, что скоро конец войны.

Литература же — тема моего родительского дома. Мой отец, Герман Казак, был довольно известным писателем, который оставался в Германии, хотя не принимал нацизм и был тайным противником гитлеровского режима. В нашем доме часто бывали литераторы, отец читал стихи, и это, естественно, не могло не отразиться на моем выборе, хотя поначалу я и собирался стать врачом. Вероятно, это была судьба.

— Вы верите в судьбу?
— Многие события в моей жизни были связаны с тем, что можно назвать судьбой. В свое время меня спас капитан Гришечкин и тем самым определил мою связь с Россией. Недавно, кстати, я получил письмо от его сына. Крут замкнулся.

Уже освободившись, я решил

— Сейчас на разных московских литературных тусовках немудрено встретить как местных литераторов, так и писателей-эмигрантов, живущих за рубежом, но подолгу гостящих здесь. Границы как будто не существует. Кое-кто вернулся насовсем — Александр Солженицын, поэт Юрий Кублановский, прозаик Юрий Мамлеев... Действительно ли произошло, на ваш взгляд, слияние двух ранее разведенных потоков — литературы эмиграции и литературы метрополии?

— Полностью. Знаний еще недостаточно, но что касается публикаций, то тут уже нет разницы. Конечно, немногие эмигранты-литераторы вернулись на родину — для этого у них есть определенные основания, но в литературном плане это ничего не значит.

— Вы сказали, что занимались творчеством прозаика Олега Ермакова. Как вам удается открывать для себя новые интересные имена, если и наша критика сегодня не выполняет в полной мере своего назначения?

— Во многом это результат дружбы с Литинститутом им. Горького. Началось это в те годы, когда ректором был еще недавний министр культуры Евгений Сидоров. Естественно, я спрашиваю коллег здесь. Это могут быть и переводы произведений русских писателей на немецкий язык. Например, меня попросили написать рецензию на вышедшую на немецком языке повесть Людмилы Улицкой «Медея и ее дети». Я согласился, потому что Улицкая — из тех русских писателей, для которых я устраивал вечера в своем доме в Мухе под Кельном. То есть мы были уже лично знакомы. Олега Ермакова я пока лично не знаю. Единствен-

«Лексикон русской литературы XX века» был составлен немцем Вольфгангом Казаком

ЛИТЕРАТУРА ЖИВЕТ МНОГООБРАЗИЕМ

всерьез изучить русский язык. После экзамена на переводчика перешел на факультет славистики, написал диссертацию о Гоголе, а через некоторое время вынужден был оставить литературу и заняться политикой. В 1955 году поступил на службу в МИД, был переводчиком канцлера Аденауэра и тогда впервые, уже как свободный человек, побывал в Москве. Потом меня назначили первым переводчиком в посольство ФРГ, это было крайне интересное время. Я переводил на встречах с Молотовым, Булганиным, Хрущевым, Громыко. Тогда же я начал работать по линии культуры, кое-что делал для распространения немецкой культуры в России, привозил из Германии книги.

Однако неприятно было, что я не имел возможности непосредственно общаться с русскими людьми вне официальных мероприятий. После того как я ушел из МИДа в 1960 году, мне передали организацию научного обмена студентами и учеными наших стран. Из-за политических причин мы не могли заключить письменный договор, однако обмена все-таки происходили.

В 1968 году мне предложили кафедру славистики в Кельнском институте славистики — на основании моей диссертации о технике изображения человека у Гоголя. Она вышла отдельной книгой. Перейдя в институт, я написал докторскую диссертацию о Паустовском и, защитив ее в 1969 году, сразу получил кафедру. Тогда же одним из издательств ФРГ мне было предложено составить лексикон советской литературы. Это меня озадачило: как будто никакой другой русской литературы, кроме советской, не было. Тем не менее я предложение принял.

— Вероятно, живя на Западе, вы лучше представляли себе литературу эмиграции?

— Лучше, наверное, я представлял себе русскую литературу XIX века. Мои знания об эмигрантской литературе тогда тоже были достаточно ограниченными. Например, о второй эмиграции. Во всех учебниках русской литературы на Западе многие имена отсутствовали. Это, конечно, обидно — называть Владимира Максимова или Наума Коржавина советскими писателями. Да, был период, когда Максимов работал в редакции журнала «Октябрь», но затем все его творчество резко изменилось. Тут была проблема. Я решил для себя: если уж писать, то писать о всей его жизни. Разговор на эту тему у меня был с Александром Исаевичем Солженицыным, с которым я встретился в Цюрихе и поделился своими планами и проблемами. Он потребовал, чтобы я включил эмиграцию. И тогда я переименовал название на «Лексикон русской литературы с 1917 года».

— Вообще работа над такого рода изданиями выполняется целыми коллективами и требует огромной подготовительной и проверочной работы. Вы фактически делали ее один. Сколько же времени вам потребовалось для этого?

— Я работал над словарем 20 лет. У меня были помощник и секретарша. Для второго немецкого издания я основательно переработал словарь, дополнив его рядом статей и имен. Для русского издания здесь я также внес ряд изменений и дополнений. Но теперь работа закончена. Я считаю, что, как мог, свою работу сделал. После 1992 года словарь не до-

Вольфганг Казак, «русский немец», как его иногда называют за давнюю привязанность к русской культуре, хотя первое близкое знакомство его с Россией происходило за колючей проволокой: он был военнопленным.

Знаменитый «Лексикон русской литературы XX века» — до сих пор единственный справочник по русской литературе XX века, включающий также имена писателей русского зарубежья, которые не вошли даже в Краткую литературную энциклопедию. — Казак составлял фактически один, собирая сведения о персоналиях в достаточном непростых условиях: многое о трагических судьбах русских писателей в СССР еще было сокрыто, да и многие замечательные литераторы всех трех волн эмиграции также были исключены из русской литературы. Как, впрочем, и писатели отечественного андеграунда (и авангардисты, и реалисты). Немецкий славист, доктор В.Казак, бывший много лет директором Института славистики Кельнского университета, одним из первых попытался преодолеть этот разрыв в своем словаре, который наконец-то вышел и в России (РИК «Культура», 1996). Этот энциклопедический словарь дважды выходил на немецком языке (1976, 1992) и один раз на русском в Лондоне (1988 год). В русском издании количество статей доведено до 1000, дополнена библиография.

Конечно, кто-то сочтет, что выбор имен слишком субъективен, что нет в словаре вполне достойных быть включенными туда литераторов и есть те, без которых можно было бы обойтись. Что ж, исследователь имеет право на субъективное мнение.

полнен ни одной фамилией. Дело за моими русскими коллегами-литературоведами, которые теперь имеют возможность ознакомиться с теми материалами, которыми раньше не располагали.

— В какой-то момент ваша деятельность вызвала неудовольствие властей в СССР, вас стали считать антисоветчиком, не разрешили въезд в страну. Связано ли это с вашей литературной деятельностью?

— Меня лишили права въезда в Советский Союз сразу после того, как я стал работать по обмену. В это время я не писал никаких статей о литературе. Вскоре были какие-то статьи о Солженицыне и других писателях эмиграции. Однако я подозреваю, что отчасти немилость была все-таки связана с моей литературной деятельностью, с моим отношением к эмиграции. Я был единственным немецким славистом, который не получил права въезда в страну, даже когда в Киеве проходил международный конгресс славистов, на котором я должен был делать доклад. Были люди, которые зарабатывали себе возможность поехать на Запад злыми нападениями на мои публикации.

— Когда вы получили снова возможность приехать в Россию?

— Такая возможность появилась вскоре после перестройки в 1986 году. Тогда же у меня было первое интервью в «Московских новостях», где я сказал о необходимости публикаций на родине произведений писателей третьей эмиграции, которые пока еще оставались под запретом. Через некоторое время я побывал в редакции «Нового мира», где Олег Чухонцев сообщил, что они планируют публикацию Иосифа Бродского. Вскоре и эта плотина была прорвана.

— Ваш интерес к русской литературе продолжает оставаться таким же острым? Вы следите за процессами, происходящими в ней?

— Я заметил, что мое восприятие определено, так сказать, лексиконским мышлением. Это значит заниматься одним писателем, одним произведением, влюбиться в него, все время посвящать ему, а потом расстаться и перейти к новому. Так, я занимался произведениями молодого прозаика Олега Ермакова, лирикой Николая Панченко. Это было связано с моей работой над статьей о возрождении религиозных мотивов, религиозных убеждений в русской литературе. Но ответить на

вопрос, что является сейчас главным в русской литературе, я бы не взялся.

Сейчас в России часто приходится слышать сетования, что коммерческая, массовая, часто низкокачественная литература заполонила рынок, тогда как подлинно художественной литературы издается мало. Это, хочется надеяться, временное явление. В любом случае литература живет многообразно. Но что для меня является особенно важным — я замечаю в современной русской литературе идеалистов, которые не только обращают внимание на хаос, увь, в реальности преобладающий, но и ищут в ней хорошее. Это, на мой взгляд, очень существенное свойство таланта, как бы писатель ни был критически настроен.

— Над чем вы работаете сегодня?

— Моя сегодняшняя тема на грани литературы и политики. Я завершил обзор лексиконов русской литературы не только нашего столетия, но и других веков, исследований по истории русской литературы, которые были опубликованы в XX веке. Это примерно 140–150 книг: английские, немецкие, французские и другие. Самое большое для меня разочарование или, вернее, подтверждение прежнего разочарования, что так мало среди них работ, которые бы включали эмиграцию. Тот же Струве с 1935 года публиковал книги по истории русской литературы, прежде всего советской, не включая эмиграцию. Только в 1956 году он написал свою «Литературу в изгнании», посвященную литературе эмиграции. Но я как раз и выступаю против такого разделения и в своих исследованиях, как и в «Лексиконе», пытаюсь рассматривать ее как целостный организм. Это не значит, что я не признаю важности энциклопедии русской эмиграции Николокина, которая выходит сейчас в Москве. Я тоже опубликовал книгу, куда вошли мои работы о русской эмиграции. Но это, так сказать, промежуточный этап. Следующий этап — объединение. И я вижу положительные сдвиги в этом направлении. Кроме того, не следует выбрасывать и те работы о литераторах, которые написаны советскими и гэдэеровскими учеными. Конечно, среди них немало хлама, идеологически конъюнктурного, но были работы и по-настоящему ценные.

но, что меня отличает от вас, это то, что у меня меньше знакомых, которые спрашивают: а ты читал? И конечно, круг журналов и газет, которые мне удается просматривать, более ограничен. Кстати, меня приятно удивило приложение «Литература» к газете «Первое сентября» — этически и эстетически выверенные критерии, широкий политический диапазон, благородная цель — возрождение литературы. Единственно, чего там не хватает, так это новых имен. И очень огорчает, что «Литературная газета» фактически превратилась в политическую газету.

— Скажите, интерес в Германии к русской культуре и литературе по-прежнему высок или все-таки сейчас снизился, как и в США.

— Сейчас интерес к России слабее, чем раньше к Советскому Союзу или чем во время самых больших перемен. Переводятся книги таких писателей-эмигрантов, как Борис Хазанов, или писателей из метрополии вроде Евгения Попова и Владимира Маканина, но вести в этот круг какое-то новое, малоизвестное имя очень трудно. Ко мне поступают регулярные просьбы о содействии, но это совершенно вне моих физических возможностей.

— Вы довольно много общались с русскими писателями и раньше, встречаетесь и сейчас. Как, на ваш взгляд, складывается сегодня жизнь писателей — и старшего поколения, и более молодых. Не становится ли в России писатель маргиналом, как отчасти и на Западе?

— При советском режиме литература значила для читателя гораздо больше, чем сейчас, ведь она была также средством информации, говорила, в противоположность газетам, телевидению и радио, гораздо больше правды. Обладала она и религиозным содержанием, давала духовную пищу, что не было позволено Церкви. Но и сейчас литература продолжает обращаться к вечным темам и «проклятым вопросам», которые волновали человека всегда: любовь, смерть, вина, прощение и т. п. Важны и общественные проблемы, хотя художественно осмысливаться они должны по-новому. Мне лично ближе традиционная, нежели провокационная, как я ее называю, литература, отрицающая этику и духовность.

К сожалению, русские писатели еще не нашли своего нового места в резко изменившемся обществе. Многие живут в нужде. Те, кто раньше жил неплохо благодаря политической лояльности или даже идеологической сервильности, те и сейчас сохранили хорошие места, и если не процветают, то и не бедствуют, имея большие дачи в Перedelкино, слава квартиры и т. д. Писатели помолже почти не имеют возможности заниматься литературной деятельностью, поскольку вынуждены зарабатывать на хлеб, занимаясь совершенно другой работой. На Западе это совершенно нормально, к этому надо привыкнуть. Там и книги издают часто за свой счет. Ненормально как раз другое — благодевать только потому, что ты являешься членом Союза писателей. Меня беспокоит положение старых писателей, которые не могут уже зарабатывать и живут на мизерные пенсии. Поэтому, конечно, должны быть такие организации, как Литфонд, которые бы все-таки помогали действительно нуждающимся писателям.